

Станислав Афонский

За други своя

повести

Станислав Афонский
За други своя. Повести

«Издательские решения»

Афонский С.

За други своя. Повести / С. Афонский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853302-0

«Дамский перевал» — неофициальное название перевала «Донгуз-Орун» — лёгкий и общедоступный перевал. В то же время таящий смертельную опасность для всех, преодолевающих его. «За други своя» — о вспыхнувшей неожиданно симпатии громадного и свирепого зверя и альпиниста друг к другу. И не только об этом.

ISBN 978-5-44-853302-0

© Афонский С.
© Издательские решения

Содержание

Дамский перевал	6
Конец ознакомительного фрагмента.	28

За други своя Повести

Станислав Афонский

© Станислав Афонский, 2017

ISBN 978-5-4485-3302-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дамский перевал

Утро оказалось еще более промозглым и сырым, чем вчерашний вечер. Осторожно выставив из спальных мешков головы, отряд увидел низко нависшие над ущельем тучи и уходящие в них скалы хребтов, черными столбами выделяющиеся на белом снегу. Будто небо поддерживали подпорками, как бы не упало ненароком. Лохматые мокрые животы облаков волочились прямо по острым углам палаточных крыш, резались о них и из прорех посыпали камни сырыми белыми и скучными крупными хлопьями.

Вчера снега не было. Это значило, по всей логике погоды, что он выпал ночью. Далее следовало, что и горный хребет засыпан снегом так же, как и гора Ирик-Баши. Падал вместе со снегом и другой вывод: снежный покров на склоне этой горы увеличил её альпинистскую категорию трудности и таким образом сделал недоступной для новичков, которым высунутые из спальников головы и принадлежали. Поняв это после недолгих, но зрелых размышлений, головы поникли. И в ущелье Ирик-Чат, и в мокрых палатках, и в отсыревших спальниках они оказались только для того, чтобы нынешним утром подняться на вершину Ирик-Баши, взять там вложенную в каменный тур записку предыдущих восходителей, оставить на ее месте свою, вернуться в свой родной альплагерь «Шхельда» и получить там заветный значок «Альпинист СССР» – плод усилий и мечтаний целого года тренировок. И вот все насмарку и тучам под хвост...

Снег нахально забрался и в палатки. Альпинисты в штормовых лагерях спят с открытыми пологими, не закрываясь и не завязываясь. Головой к входу – выходу. На всякий экстренный, или даже экстремальный, случай. Если вдруг что-то ночью случилось – лавина, сель или ещё какая-нибудь сверхъестественная напасть, бодро проснулся, кувыркнулся через голову и оказался на свободе вне палатки. Схватил рюкзак с ботинками и дёру, если это требуется для сохранения здоровья и жизни. С закрытым и завязанным входом, конечно, теплее, но опаснее. Если накроет в палатке – выбраться из неё гораздо проблематичнее, если вообще возможно... Как-то на «Зелёную гостиницу» в верховьях ущелья Адыл-Су среди ночи и, по своей гнусной и пакостной привычке внезапно, обрушился сель. Проснулись от грохота камней и истошного рёва воды. Едва успели выскочить из палаток, и кто как смог допрыгать до безопасного места, многие без ботинок и рюкзаков. Палатки завалило и снесло потоком напроочь. Одну – вместе с теми, кто для тепла и уюта связал тесёмки на выходе из палатки... А «Зелёная гостиница» – само, казалось бы, воплощение гарантии безопасности – за то её и гостиницей прозвали, да ещё и зелёной – травка там растёт, зелёнькая... И вагончик гляциологов, вертолётном грузовым поднятый, стоит эдаким символом цивилизации среди дикого пейзажа ледников и гор...

Нехотя выбрались из спальников. Вяло уселись на них. Достали из-под «подушек» -рюкзак окованные зазубренной сталью ботинки – «трикони». Поставили на камни, стараясь не задеть острыми зубцами материя палаток, втиснули в заледеневшее и окаменевшее нутро ноги. Обулись. Холод ботинок моментально проник через все три слоя носков в кожу ступней и от них поднялся по всему телу до носа. Там засвербило. К холоду наружному прибавился холод внутренний. Теперь надо согреть ногами ботинки, направив сохранившееся где-то тепло в обратную сторону... Потопаем, побегаем для пробуждения энергии... «Ножками похлопали, ручками потопали», – пропел кто-то дурашливо. Посмеялись. Но как-то не весело.

К палатке начальника отряда новичков Коли Павлова, прокладывая тропы по свежему снегу, побрели командиры отделений – обсудить ситуацию, нельзя сказать, что неожиданную, но очень нежелательную. К тучам поднялись облака дыма от первых сигарет. Николай из командирской памирки ещё не вылезал. Ему и в ней всё было уже ясно – достаточно одного взгляда на своеобразную живописность салата из туч, снега, воды и гор. Не спеша вытащил из пухового спальника своё длинное тело в трусах, занялся одеванием его в горные доспехи.

Мастер спорта по альпинизму, Павлов имел не богатырское, но крепкое сложение, высокий рост, лошадиное лицо и добрые человеческие глаза на нём. Повозившись, через несколько минут он предстал перед командой в полной амуниции. «Хороша», – отметила мысленно команда. Новенькое и даже шикарное штурмовое обмундирование стального цвета изолировало фигуру начальника отряда от непогоды надёжно. Бегло осмотрев экипировку, зрители отметили даже такой штришок, как специальный треугольный клапан, закрывающий сверху горные ботинки командира... Николай стоял под ленивыми обстрелом дождя и снега молча и спокойно

– Что делать будем, товарищ Павлов? – С неофициальной улыбкой официально обратился к начальнику Валера из Питера, плечистый крепыш с лицом, окантованным словно приклеенной шкиперской бородой.

– Тамбовский волк тебе товарищ, – хмуровато попытался пошутить Николай, – А Павлов думает, что восхождение и связанные с ним неудовольствия придется отменить.

– Что же, ребята без значков останутся? Год тренировок на фук – в речку Баксанку? Ведь сам знаешь: на будущий год они опять в новички вынуждены будут топтать, да и наша с тобой работа тоже в воду вместе с концами. Не думаешь, что они тебе где-нибудь на прощанье фонарей повешают, чтобы светлее думалось?

– Кто навешает? Концы, что ли?.. Не думаю. Фонарей не хватит, – продолжал попытки шутить Павлов, – У тебя есть что предложить?

– Есть, конечно. И очень простой выход. Маршрут, сам знаешь, не так чтоб уж очень сложный сам по себе. Ну, после снега поинтереснее стал, но не настолько уж, чтобы совсем неприступный: «в мире нет таких вершин, чтоб взять нельзя». Давай мы, командиры отделений, возьмем по одному из своих, посильней которые, да и сходим наверх. Записку возьмём, свою оставим – и все дела. Что скажешь?

Николай даже не колебался

– Скажу, что не согласен. А ты другого ожидал?.. Так будет не честно. Ты сам это знаешь. Нам не показатели нужны. И нашим ребятам тоже. Они хотят восхождение сделать, а не значки на себя нацепить... Быстро всех построить. Скажем о своем решении и скорее в лагерь, пока не вымокли насквозь и даже глубже.

– Ну, Николай, ты не прав, – вмешался москвич Саша, моргнув длинными девичьими ресницами над суровыми мужскими глазами. – Отступать без попытки штурма... Мы же их мужеству учить должны, а не пасовать перед сложностями.

– А ты видишь отсюда эти «сложности»? Тучи все закрыли – ни черта не видно. В любом случае идти нельзя... А если там снега столько навалило, что лавина пойдет?.. – Павлов помолчал, – я все понимаю и всем сочувствую, но давайте новичков еще и дисциплине учить... Без нее иногда и мужество не поможет, если оно без головы останется.

1

Вскоре весь отряд, пронюхавший, что снег засыпал не только горы, но и их надежды, молча, но возмущенно стоял перед своим благоразумным командиром. Речь его выслушали мрачно. Раздались решительные возгласы:

– Мы не согласны!

– У нас год пропадает!

– Давайте взойдем. Мы сможем! Мы уже ходили по снегу...

– Кто не рискует тот не выигрывает!..

– И не пьет шампанского!

Коля Павлов спокойно и невозмутимо, как ледник, выслушал все эмоциональные крики и «рацпредложения».

– Ребята, без истерик. Я очень хорошо вас понимаю. И сам огорчен. Но в альпинизме такое встречается очень часто, и ничего с этим не поделаешь. Вот если бы нас снег на маршруте застал, там другое дело – там риск оправдан. Ну, допустим, мы вас поведем. А опыта у вас лежащего нет и что-нибудь случится – виноват буду только я – повел вас на категорию сложности, к которой вас, по условиям игры, допускать нельзя – не доросли еще. И не обижайтесь. В конце концов, не в моей ответственности и не в условиях игры дело, а в вашей жизни. У вас еще «всё впереди – надейся и жди»... А насчет выигрыша в риске... Горы – не карточная игра. Здесь часто кто не рискует – тот не проигрывает. Свою жизнь, имеется в виду. А шампанское не пьют и покойники...

Коля сделал эффектную паузу. Смысл сказанного дошел мгновенно. Открытые рты закрылись. Закрытые отверзлись. Народ таких доводов не ожидал.

Полюбовавшись произведенным эффектом, Павлов продолжил:

– Насчет пропавшего года не переживайте: он не пропал и никуда не денется. По положению вы имеете право на значок при восхождении на одну вершину первой «А» категории и на два перевала или на одну вершину первой «Б» и одну второй «А». Мы хотели сделать вам двойку «Б» – без перевалов, но, вот, не получилось. Но одна вершина у вас уже есть, перевал тренировочный есть. Еще на один перевальчик сбегаете и – значки на ваших доблестных грудях и грудях. А на будущий год – даешь на разряд. Ну, что, пойдет?

Дружного и громового «ура!» не грянуло, бурных аплодисментов не вспыхнуло, но отряд относительно повеселел и успокоился – безысходность ничего иного не оставляла.

Бивак быстро свернули, орюкзачились и под впечатляющим дождем вперемешку с мокрым снегом быстро пошли, а потом и побежали особым альпинистским бегом по осклизлой тропе, извивающейся среди скал и камней, вниз по ущелью. Ноги короткими быстрыми шагами, колени неразделимо вместе, топают по обильно политым водой камням на тропе, извивающейся змеиным телом по каменистому, а потом и по травяному склону. Ветра нет – заглох в тучах, нудный дождь разлиновал пространство вертикальными нитями... Впереди лагерь, просушка всего мокрого, а мокрое всё, горячий чай, почти такой же душ, перспектива «беганья на перевальчик», торжественное вручение значков «Альпинист СССР», прощальный вечер и – год ожидания...

А через год у Витьки заболело горло...

2

Мир состоит из случайностей. Пусть говорят об их закономерности, пусть подводят под это мнение философические и математические теории, но

Если они – эти теории, не помогают некоторые «закономерные» случайности предугадать и избежать их, то они только случайностями и остаются. Вот выпал снег в горах. Для метеорологов безусловная закономерность в этом явлении есть. Для альпинистов же – несчастный случай. Знай они об этом заранее – пошли бы в другое ущелье и на другую вершину. В горах часто бывает так, что в разных ущельях – разная погода: тут плохо – там хорошо... Особенно где нас нет.

А у Виктора заболело горло. А Радослав об этом не знал. Ну, заболело. Ничего сверхестественного – обычное дело... Поднимите руки у кого оно не болело?... Поболит, да и перестанет... Но все дело в том – чем именно это несчастное горло сподобилось заболеть и в какое время. Болел бы Вик вместе с внутренностями своей шеи да болел в свое удовольствие. Трагичность же ситуации заключалась в том, что Вик вместе с Радиком ехал в Приэльбрусье. И не просто так – отдыхать на какой-нибудь там турбазе, а в альпинистский лагерь, чтобы интересно и полезно отдать ему свой отпуск. «Отдых» там такой, что за смену организм может избавиться

от своих драгоценных килограммов десяти. Лучшее средство похудеть или даже совсем избавиться от организма... Нагрузки иногда зашкаливают... А Витя ангиной заболел. И не сказал. Знал, а не сказал... Не сказал, больная его душа, а ведь знал. Пили чай, оба два, из одной кружки. И спали на одной палатке, расстелив ее на полу автостанции, в ожидании автобуса...

А у Витьки в это время горло болело... С этим горлом он и автобуса утром дождался. И вместе с Радославом. Автобуса не было. Долго не было. Уже и время отправления подошло, а потом и миновало, по расписанию. А автобуса не видно... Странно и удивительно: никто из будущих пассажиров не возмущался и не волновался. Все сидели абсолютно спокойно и невозмутимо, как будто так и надо, что все, кому надо ехать, никуда не едут... Вон пятеро мужчин с азартом наблюдают, как два джигита играют в нарды. Закутанные с ног до головы бабульки мирно дремлют, прикорнув спинами к стене. Симпатичные девушки что-то весело обсуждают и смеются... Все ведут себя так, словно просто время пришли сюда провести с раннего утра – дел других у людей не имеется...

– Почему автобуса до сих пор нет? – стараясь казаться таким же спокойным и невозмутимым, спросил, наконец, Радик, обращаясь скорее к пространству, чем к кому-то конкретному.

– Вах, какой странный вопрос ты спрашиваешь, – осуждающе покачал черноволосой головой местный житель «кавказской национальности», оторвавшись от созерцания гуляющей неподалеку свиньи. – Его нет потому, что он не приехал.

«Логично», – мысленно согласился Радик, но вслух сказал:

– А почему он не приехал, если по расписанию он это давно должен сделать?

– Всё очень просто, дорогой: потому что его уважаемый водитель на свадьбе гуляет – у него друг позавчера за муж вышел... Э-э, нет – наоборот: его невеста за муж вышла за его друга... Опять не то... Друг женился на его невесте... Ну, свадьба, понимаешь?

Радик помотал слегка головой, пытаясь, по мере сил, разобраться кто за кого вышел и куда, но тотчас же оставил эти попытки, как совершенно для него бессмысленные. Смысл был прежний – уехать в Баксанское ущелье.

– Так когда друг-то придёт? Он же на работе быть должен!

– Вот же какой ты непонимающе непонятливый молодой старик! – с искренней досадой воскликнул кавказец. – Что, по-твоему, шофёру и на свадьбе нельзя погулять?

Радик безнадежно махнул рукой и плюхнулся на скамью рядом с Виктором и его больным горлом, о котором друг не сказал...

Наконец, ПАЗ-ик, плотно набитый местным народом, Радиком, Виктором и их рюкзаками, поднимается в горы вдоль реки Баксан. Радик с удовольствием и волнением смотрит в окно на поднимающиеся одна за другой и одна из другой горы, на их заснеженные вершины и острые скалы, узнавая их вновь. Кажется, не автобус движется к горам, а горы, величаво прекрасные и грозные в своей непостижимой таинственности, торжественно шествуют навстречу автобусу.

Радослав ехал в «Шхельду» с радостно-тревожным ожиданием новых, еще более интересных восхождений, новых впечатлений, новых знакомств и друзей, и не без честолюбивого желания получить разряд, как ступень к еще более интересным альпинистским приключениям... Кроме рюкзака в походе он имел за плечами тридцать три года жизни. Среди спортсменов эта цифра вызвала явное недоумение: в таком возрасте многие уже бросают спорт, какого бы вида он не являлся, кроме шахмат, разумеется. А этот мужик, роста выше среднего, но не очень, и возраста, точно, среднего, только собрался в него войти. Правда, на вид Радославу никто его возраста не угадывал. «Давали» лет двадцать пять, не более. Он больше и не брал, правда, и не скрывал истины. Общительный, иногда по-детски любознательный и даже простодушный, но в тоже время ироничный, со склонностью к сарказму, он мог вписаться в любую компанию настолько же легко, как и «выписаться» из нее. Виктор, будучи на десять лет моложе, разницы в возрасте не ощущал.

Оба ехали при бородах. Виктор по моде. Радослав по необходимости, а вовсе не для романтического облика. Просто был с ним случай, когда солнце украсило его физиономию ярко-красным болезненным ожогом, отразившись снизу от зеркала белого снежника. На фоне ожога декоративно выделялся отчетливой белой полосой след крепежного ремня каски. Оригинально и красиво, но очень уж неприятно. От бритья на несколько дней пришлось отказаться, отросла щетина, да потом так и продолжала расти, пока не превратилась в бородку несколько пижонского вида. Радика это обстоятельство слегка огорчило, но делать было нечего – борода формировала себя самостоятельно. До марксовых размеров Радик доводить ее не собирался, позволял расти, лишь иногда критически на нее поглядывая. Борода защищала от ожогов, утепляла, как никак, и избавляла от необходимости скоблить подбородок и щёки каждое утро вместо каких-нибудь других, более приятных, занятий.

Открытое лицо Виктора поверх бороды украшали очки, которые очень ему шли. Виктор приземист и широкоплеч – таких в старину на Руси называли ширьями. Смел в уличных драках, разухабист, в компаниях весел, фанат джазовой музыки, сам на чём-то играет – и это все о его характере, что было известно Раду. И еще он был студентом политехнического института. Радослав работал на оборонном авиационном заводе, настолько секретном, что все мальчишки, жившие окрест завода, знали о том, что там делают. Сложение имел пропорциональное и симметричное, пользовался успехом у женщин, они у него тоже, но пока не настолько еще, чтобы покончить с этими успехами, остановившись на какой-нибудь одной...

Вот и поселок Эльбрус. Название его местные жители произносят с ударением на первом слоге. Особых архитектурных украшений это горное поселение не имеет, привлекая к себе альпинистов главным образом тем, что здесь можно купить какие-нибудь бесхитростные деликатесы, сигареты и пиво, впрочем, альпинистам противопоказанное... За поселком сразу же – мост через реку Баксан, гремящую по камням изумрудной прозрачности водой. Справа в белоснежных королевских мантиях с черными скалами вместо горностаевых хвостиков, горы. Рядом с мостом красавицы-сосны из песни «Баксанской первой» – «стройный лес Баксана». Вверх- вправо уходит до самого Эльбруса Баксанское ущелье. Вверх-прямо – ущелье Адыл-Су, впадающее в Баксанское грациозной речкой того же названия. Оба ущелья упираются в заснеженный и бронированный ледниками Главный Кавказский хребет.

А автобус, между тем, уперся перед мостом в стадо овец... Эти кроткие животные выстроились вдоль шоссе плотным неподвижным шерстяным блеющим клином. На вершине клина, воткнувшегося в столб ограждения возле моста, – вожак стада – баран, прикинувшийся вдруг скотиной, объятый диким ужасом перед с розового детства знакомой речкой: не пойду и баста. В овечьем стаде дисциплина несокрушима, как ослиное упрямство. Поперед батьки или через его голову не посмеют сунуться ни одни копыта, подставленные под овечью душу. Вот и стояли эти блеющие души непроницаемой массой. Истошные гудки автобуса на окаменевших животных – никакого впечатления. Так же, как и пинки чабанов, пытавшихся пробудить овечий разум не только физическим воздействием, но и виртуозным русским матом. Пассажиры беззлобно смеялись.

Не до смеха было Радике с Витей. Оба срочно – до отчаянности срочно, нуждались... Нужда возникла еще в городе Баксане, но реализовать ее не хватило времени – уходил автобус. В Тырныаузе, где автобус стоял посреди городка, ни места, «куда не зарастет народная тропа», ни самой тропы, ни кустов, ни сараев на худой конец, не нашли, как ни старались. Тропа, вероятно, все-таки заросла... От Тырныауза до поселка Эльбрус автобус тащился часа полтора и к нему наши друзья прибыли уже в критически взрывоопасном состоянии. До выхода из автобуса в долгожданную дикую природу оставались считанные минуты, и на тебе – эти идиотские бараны... К гортанным матюкам пастухов присоединились мысленные матюки наших героев – именно героическими были их нестерпимые муки. Наконец, одному из пастухов удалось прямо по овечьим спинам добраться до вожака. Гнусную скотину за шиворот подняли

в воздух и вышвырнули, как пустой бурдюк, на другой конец моста. В ту же секунду шерстяной поток, тряся курдюками и хвостами, хлынул следом. Автобус двинулся с места...

– Я думал, сейчас речка из берегов выйдет... – Утерев со щёк обильные слёзы облегчения выдохнул Радик.

– А я думал, что сейчас лопну, – поежился от такой перспективы Витя.

– Ну ладно, уцелели. Пошли в лагерь.

Нахоженная и наезженная дорога лежала на плоскости у берега реки потом поднималась постепенно вверх. От моста до ворот альплагеря «Шхельда» ровно тридцать минут ходьбы по сказочно живописным местам. Внизу короткая, будто ее аккуратно стригли много лет, трава на каменистой поляне. Вокруг высокие задумчивые сосны и ели. Среди безмятежности и тишины, нарушаемой только ровным шумом реки, чуть в стороне от дороги – кладбище... Альпинистское. Расположенное у входа в ущелье, оно впечатляет каждого. Словно предупреждает: подумай, «всяк сюда входящий»... И, наверное, у каждого в глубине души или ближе к ее поверхности брезжит тревожная мысль: зачем я сюда приехал и стоит ли идти дальше?.. Появлялись такие мысли и у Радослава в первый его приезд. Тем более, что в тот год из-за нелепейшей случайности неподалеку от альплагеря при возвращении с восхождения на пик Кавказ погиб мастер спорта Роцин. Да не просто мастер спорта, а «Снежный барс»... Здесь находилась и могила его.

Друзья постояли. Помолчали. Радик незаметно покосился на Виктора: как у него настроение и впечатление. Внешне, кажется, никаких тревожных симптомов не видно, задумался и побледнел слегка, так это естественно. А что внутри – проявится в горах, на высоте. Там всё проявляется отчётливо и ясно.

– Радик, а отчего Роцин погиб, да еще уже внизу, как ты говоришь?

– Есть, Вик, такая традиция, неписанная, у альпинистов: не поздравлять друг друга с успешным восхождением до травы. То есть: пока не ступишь на траву у подножья горы – не ликуй и не впадай в экстаз. Спуск бывает опаснее подъема. Тому причины есть... Ну вот, а Роцин – он же «Снежный барс» же – он же все семитысячники страны покорил, а тут какой-то «пупырь» – пик Кавказ, и в самом деле вершина не больно страшная, на внешний вид, – он и расслабился... Уже подходили к траве. Он отстегнулся от веревки, страхующей связку от случайностей, а случайность тут она как тут – подвернулась нога на камне. Роцин упал и – головой об острый угол. Каску он перед этим тоже снял. Остался в одной узунколке – все один к одному. Вот и всё. И конец... А, между прочим, произошла эта случайность после их восхождения на гору, которую местные жители считают обиталищем горных духов... Вроде местной «Ведьминой горы».

– Почему?

– Ну, есть, должно быть, какие-то причины... В горах много странностей, – таинственным голосом со зловещими нотками чревоуещнул Радик. – Например, на этой горе много «чертовых пальцев»...

– А это еще что за чертовщина? – с деланной беспечностью поинтересовался Витя.

– Это такие, знаешь ли, острые скалы, которые торчат именно там, где им торчать совершенно ни к чему. К тому же у них ужасно скверный характер. Приходится их обходить, время терять – вот и чертыхаешься. А чертыхаться, да еще на горе духов... У-у-у...

У Радика бывали приступы своеобразного юмора. Он это сознавал, но не мог отказать себе в удовольствии слегка нагнать на кого-нибудь страха – для тренировки их духа и собственного удовольствия. Витин дух отреагировал, кажется, без особо заметных эмоций. Вик всегда отличался спокойствием. На равнине...

Собственно, горы уже начались и не только в географическом понятии: кладбище альпинистов у дороги, ведущей в альплагерь – тоже горы. Радик чувствовал их особую атмосферу,

какие-то неописуемые вдохновляющие сигналы, нисходящие со снежных вершин, их излучали скалы, деревья, реки, ручьи. У каждого источника – свой. Все они, казалось, приветствовали его, и он здоровался с ними: «Здравствуйте, дорогие мои, долгожданные! Рад вас всех видеть, друзья!» И они отвечали ему, молчаливо и благосклонно, как короли своему верному подданному. Только река что-то хотела сказать: она рокотала внизу, перебирая камни, словно четки – молилась или искала в них что-то потерянное. Рокот ее звучал приветливо. Необыкновенной чистоты и свежести легкий воздух, невидимо струящийся по всему пространству ущелья, вливался в грудь при каждом вздохе, наполняя ее силой и восторгом. Хотелось вот прямо сейчас легко и радостно взбежать на любую вершину... «Эйфория от недостатка кислорода и от нулевой акклиматизации», – умудрёно и скучно остудил себя Радик.

Он равномерно топал под своим красным абалаковским рюкзаком, прислушиваясь к физическому состоянию своего «органа», как он его иногда называл. Подозрительному, отметил он про себя. Все, кажется, здорово и хорошо... Эмоционально... А вот что-то такое... Чересчур потею... Э, ладно, – бывает. Акклиматизация, перепад давления, кислород... Рад беспечно махнул рукой.

– Ты чего размахался? – поинтересовался Вик, пыхтя на подъеме.

– Да вот ионы ловлю. Разлетались тут – не протолкнёсси...

– Какие такие ионы, Рад, разлетались? – Вик недоуменно покосился на приятеля, даже пыхтеть забыл, заодно запамятовав и о том, что такое ионы.

– Отрицательные, Вик. Их тут намедни развелось видимо-невидимо. Так и норовят в нос забраться. Щекотят до чихоты.

И Радик громоподобно чихнул, уронив на камешек слезу. Вик ответил тем же.

– Вот видишь – я же говорил, что щекотят, – резюмировал Рад, – Что-то мы с тобой расчихались, альпинист.

– Я еще не альпинист, – самокритично отметил Вик, возобновив трудолюбивое пыхтение.

– Ещё – да. Но на подходе к уже... Что-то во мне дискомфорт какой-то непонятный.

Очень я почему-то мокрый, а всего-то минут десять идем. Ты-то сам как?

– Да ничего, вроде бы...

Радик внимательно всмотрелся в свободные от бороды и усов участки Витиной физиономии. Ничего себе «ничего»: простынная бледность и с бороды капает, как после дождика. Но он в горах первый раз – ему простительно. Но Радослав-то – третий «саксаул»... А слева внизу Адыл-Су погромыхивает. А справа склон вверх уходит, весь в соснах и елях... Дошли до прямого с ровными склонами, сходящимися клином внизу канала, словно искусственно вырытого – лавинный желоб, поднимающийся вверх.

– Подожди, Виктор. Постоим. Здесь памятное место...

– Что: с девочкой тут забавлялся? Уютно... – решил пошутить Вик.

– Пошляк ты, Витя, «а еще в бороде и очках». Ага, очень уютно. Здесь, брат, такой «уют», что в любой момент можно в Адыл-Су спикировать в очень свободном полете. И без всякой инициативы со своей стороны. И момент этот нипочем не угадаешь... Отойди-ка в сторону – мне что-то там наверху показалось...

– Да брось ты, Рад, чудить. Знаю я твои штучки. Перекрестись, если кажется. «Показалось», – занервничал Виктор. – Ну и что тут может случиться и почему?

– А «по кочану». Этот канал, который ты перед собой видишь, – лавинный желоб. Уходит он далеко наверх – к снежникам на очень крутых склонах. И черт их знает, эти снежники, что там у них творится на высоте – отсюда не видно. Может быть там снегу навалило невпроворот, и он оттуда вот по этой канаве хлобыснет вниз лавиной. А перед ней – ударная волна. Фукнет так, что утрепыхаешься неведомо куда, но навсегда... Возвращалась как-то в лагерь пешком жена начальника нашей учебной части, Рита. Альпинистка, радистка, переводчица, очень интересная и красивая женщина. Возвращалась, да не вернулась. Как раз в тот момент, когда

она проходила здесь, на этом самом месте, мимо вот этого самого желоба – по нему полетела лавина... Риту снесло воздушной волной вниз к реке, а следом обрушился снег...

Виктор снял очки, потом снова надел, поежился, наверное, вообразив себе всю картину трагедии.

– Она тоже на том кладбище лежит?

– Нет. Там она не лежит. Она исчезла. Нашли только ее сумочку возле вот этого камня, – Радик погладил большой валун, стоящий у дороги, как памятник. – Больше ничего не осталось. Искали и в снегу, и на склоне ниже дороги, и в реке. Ничего. Пропала бесследно. Такое при сходе лавин бывает. Особенно если лететь вот с этого отвеса, – Радослав указал на грань возле дороги, за которой прерывалась плоскость дороги и начинался край пропасти. На её дне далеко внизу блестел клинок речки, а от неё взлетал вверх абсолютно лысый склон соседнего хребта...

Помолчали. Виктор внешне оптимизма не утратил, только как бы ненароком отошел от жуткого места в сторонку. Впрочем, оно кажется жутким только тем, кто знает о происшедшей здесь трагедии. Для всех других – овраг оврагом с ровными склонами. На дне снег... Даже летом. Значит – пополняются запасы регулярно. На склонах – никакой растительности, хотя кругом могучий лес. Значит, стирают лавины начисто все, что здесь пытается вырасти...

– Ну пошли, Викентий. Расскажу тебе еще одну историйку. «Политическую». С участием Риты, вечная ей память. И меня.

– Э-э... После того, что с ней произошло? – осторожно осведомился Вик.

– Ценю юмор, хоть и считаю его не уместным... Нет, раньше. Это история о том, как я чуть международный конфликт не спровоцировал.

– Ты? Здесь?

– Ну, не совсем на этом самом месте, но поблизости. А что: не подходящее место? Для политики все места подходящие: равнины, города, горы, жесткие и мягкие места. Мягкие, конечно, удобнее, но ежели их нет, то... А дело было так. В свой первый приезд сюда, когда в выходной день мы пошли по Баксану на познавательную вроде как экскурсию наподобие туристов, я обратил внимание на группу явно не наших соотечественников – ну совершенно не советских, понимаешь, людей. Не советское в них обличала одежда: очень уж ладная да складная – для горного туризма. Но не в амуниции дело было. Их стояло человек с десятков пареньков спортивного вида, крепеньких таких. А среди них старик, тоже очень поджарый и весь из себя подтянутый, как профессиональный военный. Лет черт его знает сколько: то ли пятидесяти, то ли ста – их ведь не поймешь. И вот этот дуб вековой что-то тем парням рассказывает. Они его очень внимательно слушают и вертят своими иностранными башками вслед за его рукой. А рукой он показывает то на ущелье Ирик, то на Адыл-Су, то в сторону перевала Бечо... Откуда ему, мху лишайному, знать эти места? И меня осенило: да он же, скорее всего, воевал здесь! В Баксане же орудовала немецкая дивизия «Эдельвейс». А в Баксанское ущелье она просочилась именно через ущелье Ирик-Чат. А перевалы Бечо и Донгуз-Орун они пытались взять, да не взяли. Прошли они в Баксан сами – без проводников, потому что знали все проходы и подходы к нему по ущельям и перевалам – до войны приезжали сюда. Кто под туристов косил, кто под альпинистов. Как у Высоцкого:

«А до войны вот этот склон
Немецкий парень брал с тобою.
Он падал вниз, но был спасен
А вот теперь, быть может он
Свой автомат готовит к бою...»

И вот когда я это себе подумал, да еще и песню вспомнил «Баксанскую первую», да представил себе бои, которые здесь шли... И решил: этот бравый седой дедок – точно из эсэсов-

ской дивизии «Эдельвейс». Логично во всяком случае. Разговаривали они по-немецки. Я специально, как бы невзначай, подошел и послушал. Как подошел, так и отошел: тихо и мирно. Я ж не агрессор...

Через несколько дней снова собрались вниз – на шерстяной базар в Чегет съездить. Богатейший, скажу, базарище: любых изделий из настоящей шерсти – завались. И не дорого. Мы с тобой тоже туда ходим... Ну вот. Кстати и ПАЗик лагерный туда же направлялся. С немецкими туристами и альпинистами. Чуешь аналогию?.. Их полный автобус набился. Естественно, все они сидят. Естественно, все мы – стоим. Гостям дорогим место «уступаем». Но без претензий. Пусть посидят. Ехать-то всего ничего. Едем. В окно посматриваем, на попутчиков. Рита им что-то рассказывает на понятном им языке, а я стою и думаю, что они и без нее об этих местах знают не меньше, если не больше. Среди дорогих гостей такие же, как тот эдельвейсовец – эсэсовец, сидят. А тут, смотрю, мой сосед, один из них – дедулька то ли сорока, то ли полутора лет, достает какую-то карту, разворачивает ее и показывает на ней что-то своему соседу, тоже немцу с гвардейской выправкой. Что за карта? Присматриваюсь. Ба! Да это весь Баксан! Со всеми ущельями. И нашим в том числе. И со всеми альплагерями, которые в нём есть. Даже отдельные скалы обозначены вдоль дорог, и чуть ли не отдельные камни. И вот этот немец нашел место, где в данный момент наш автобус находится...

Представляешь? У нас таких подробных карт нет, а у них есть. Откуда?.. И с надписями по-немецки. Ясно – с войны осталась. Молча я на эту карту смотрю. И вдруг парень из нашего отделения, Борис, любознательный такой, меня спрашивает: «А кто это такие с нами едут и что это у них за карты?» Отвечаю: «А это недобитки эсэсовские с нами едут со своими картами эсэсовскими...» Слишком громким мой ответ получился, даже для меня неожиданно. Наверное, внутреннее напряжение взорвалось от эмоций. А в автобусе наступила полная тишина. То они, немцы, оживленно про меж себя лопотали, а сразу после моих слов вдруг замолчали. А в лагере с нами по-русски «нихт фэрштейн» и ни бум-бум. А здесь замолчали. Поняли, значит. И Рита на меня своими большими глазищами смотрит. Они у нее из прекрасных злыми почему-то сделались.

Реакция немцев меня ни сколечки не смутила. Даже наоборот. А к вечеру, когда мы из Чегета вернулись, меня приглашают в учебную часть. Вежливо. Захожу. Там Рита сидит, ее муж-начальник учебной части, и наш инструктор Бутман. Притворяется серьезным, но глаза смеются... Да... И устроила мне наша Риточка разнос с выволочкой. Немцев, оказывается, мои слова очень обидели, оскорбили и возмутили. И они, в лучших своих «чужих» оскорбленные, собрались куда-то жалобу писать, чуть ли не в ООН. И что мне надо перед ними непременно извиниться, иначе грянет международный скандал – немцы оказались из ФРГ... При этом разговоре мои экзекуторы сидели, а я стоял, как школьник нашкодивший. После слов о грядущих глобальных международных конфликтах в результате моих непродуманных, а может быть и провокационных действий, я тоже сел и «торжественно заявил», что извиняться и не подумаю, объяснив причину своей вспышки в автобусе. Добавил: если будут жаловаться – пусть к жалобе приложат объяснение: откуда и зачем у них появились подробнейшие карты Баксанского ущелья, в котором находятся военные объекты: турбаза Вооруженных сил «Герскол» и научно-исследовательские ядерные центры... На этом милая беседа закончилась. Мирно. Наши-то администраторы на моей стороне, конечно, были, но и немцев, как гостей, ублажить надо было. А те вскоре уехали восвояси... Судя по тому, что третья мировая война не началась – слова мои международной огласки не получили... Шутка.

– Ну ты, Рад, даешь. Прямо, как из К-ы Г-ы Б-ы. Где это здесь «военные объекты» имеются и «ядерные центры»?

– Чудак ты, Вик. Про военные объекты – это я для понту, а что-то вроде ядерного центра действительно есть. Он даже с дороги виден. Точнее, вход в него: вырезанные в скальной стене штольни. Там – в толще горы, лаборатории по изучению нейтрино. А насчет «К-ы Г-ы Б-ы –

это не про меня. Но чтобы там, где есть туристы из ФРГ, но не было кого-то из КГБ – этого не может быть потому, что этого не может быть никогда... Впрочем, политику побоку – мы пришли.

Перед путниками и спутниками возвышались ажурные ворота, скромные, но с претензией на некоторую триумфальность. С плакатом наверху. Плакат многозначительно утверждал: «Альпинизм – школа мужества». Еще одна надпись не оставляла у пришедших никаких сомнений в том, что они находятся перед входом в святыню альпинистов «Альплагерь Шхельда». Справа от входа со ствола сосны немо звучал намек на то, что разным прочим туристам входить в святыню не рекомендуется. Там кривовато болтался жеваный листик железа со словами: «Обход. Тропа для туристов» и стрелочка, на сию тропу указующая – для наглядности. Какой-то хулиган добавил: «и собак...». Собаки на надпись не обижались, но по тропе не ходили – гуляли по лагерю. Видимо, не умели читать. Туристы же, которые пограмотнее, действительно обходили лагерь стороной справа. Иного пути у них всё равно не имелось – слева обрывался отвесный склон к реке.

Дорога вливается в створки ворот, как неподвижная серая река. По ее берегу слева стоят аккуратные домики современной «турбазовской» архитектуры: контрольно спасательный пункт, по аббревиатуре КСП, инструкторские «номера» и апартаменты лагерной администрации. За ними – волейбольная площадка, плац для построений, экзотическое здание учебного центра, медицинский пункт и точка приложения центростремительной силы спортсменов – столовая. На точке – вдохновляющий лозунг: «Поешь больше – пойдешь дальше!» Справа и чуть повыше – смотровая площадка. С неё ненавязчиво предлагается роскошнейший вид на верховья ущелья Адыл-Су с замками и башнями снежных вершин Главного Кавказского хребта. Еще правее вверх по склону рассредоточились ровными шеренгами одноэтажные жилища альпинистов. Все это, вместе взятое, и есть альплагерь «Шхельда» – главная кавказская база федерации альпинизма «Спартак».

Слегка зазнавшись перед самими собой принадлежностью к спортивной элите гор, друзья вошли в лагерь, достигнув высоты 2 100 метров над уровнем моря и 500 миллиметров ртутного столба атмосферного давления, вместо привычных на равнине 760, никаких ощущений при этом пока не ощутив, кроме некоторой легкости мыслей, правда и внизу нередко ощущаемой. Устроились быстро и без лишних проволочек. Получили постельные принадлежности и снарягу. Не снаряжение, экая официальщина, а именно снарягу: треугольные стальные карабины, кошки, ледорубы, рюкзаки, штормовки, репшнуры и специальные горные ботинки, окованные по периметру подошвы острыми стальными шипами – триконями. Радослав еще и каску – разрядникам положенную. Виктор, как новичок, нет. То ли потому, что головы новичков считаются прочнее и тверже, чем у разрядников, то ли камни на них реже сыплются, то ли просто касок не хватает. Поселились в разных комнатах: Рад с разрядниками, Вик – с новичками.

И все бы хорошо, но у Радика ни с того, ни с сего началась вдруг дикая головная боль. Настолько дикая, что казалось – все камни речки Адыл стучат по ней и изнутри, и снаружи. Сначала он на это внимания старался не обращать: случается при акклиматизации. Но потом подумалось: бывать-то бывает, но что-то очень уж чересчур. Вскоре к несусветной головной боли прибавилось ощущение иного рода, а проще говоря, озноб. Явление уже из ряда вон никуда. Это на равнине если заболел, то взял и отлежался в свое удовольствие, а если здесь вместо родных и близких тридцати шести и шести зашкалит за тридцать семь с десятками, то... Об этом «то» даже думать не хотелось, да и думать стало больно..., так же, как и глотать. Сюрприз, однако. А у Виктора как? Радик побрел к новичкам.

А Виктор уже лежал, багровея на подушке своей далеко не доблестной физиономией.

– Привет, коллега, – при виде этого зрелища мрачно прохрипел Радослав, – Тоже сподобился? Поздравляю.

Коллега кивнул всклокоченной головой. Радик вздохнул, внимательно посмотрел в пол, покачал головой.

– У тебя знакомого мага или там колдуна какого-нибудь здесь поблизости нет, случайно?

– Нет, – удивленно просипел не понявший юмора Виктор, – А зачем тебе?

– Думаю, что тебе бы тоже пригодилось. Завтра к врачу на осмотр и нам с тобой светит все, что угодно, только не горы, если к утру не станем нормальными людьми, а это, как я понимаю, теперь без квалифицированного колдуна не получится, а поскольку у нас с тобой его под рукой нет, то нам с тобой хана.

– А, может, и пройдет...

– Люблю оптимистов, как сказал палач перед казнью женщине, пудрившей нос.

– Какой женщине? Какой нос? – опять не врубился Витя.

– Собственный... В горах болезни медленно проходят, зато быстро приходят. Вот только почему у меня горло заболело, и именно сегодня, именно в горах, и почему именно у меня, если оно у меня вообще никогда не болит?..

– А у меня оно уже три дня как болит, – бодро признался Вик.

– Ты молодец, – сдержанно похвалил Радик, – А почему же ты поехал, если уже заболел?

– Так билеты уже взяты были и путевка на руках, да и что пройдет, думал, – резонно возразил Виктор.

– Да, все верно, – согласился Радик, – Ну лежи, поправляйся. Чтоб завтра был, как штык. И я чтоб такой же был. Будь здоров. Пошел я. Может быть, колдуна какого-нибудь завалящего на дороге найду...

Штыки из приятелей следующим утром оказались не блестящими. Скорее даже ржавыми и туповатыми. Заглянув в Витькину глотку видевший разные глотки и виды врач альплагеря Гаджиев присвистнул и заговорил с акцентом, чего в спокойном состоянии с ним не бывало:

– Ты, друг любезный, зачем с этим сюда приехал? У тебя жэ фолликулярная ангина! Тэбе не только в горы – тэбе по лестнице подниматься нельзя. Температуру мерил?.. Ну, какая?.. Тридцать восемь? А, еще и семь десятых? Маладэц!.. На вот, бери таблетки, кушай, лежи, как камень на дне каньона, нэ двигайся и нэ рипайся. Никаких тренировок, никаких восхождений до будущего года. После таких воспалений, да еще в горах, три месяца спортом заниматься нельзя – осложнение на сердце получишь... С тобой все, друг любезный. Поправляйся. Следующий!

Следующим был Радик. От услышанного в адрес Виктора его настроение, и без того не бодрое, стало похоже на сосульку, свисающую с крыши и плачущую каплями. Но сдаваться не хотелось. Перед черными очами Гаджиева он предстал воинственным и раскаленным, как стальной меч в кузнечном горне. В сочетании с тающей сосулькой зрелище было потрясающим. Гаджиев это заметил и оценил.

– Здравствуй, красный молодец! Из бани или загорал? На-ка градусник. Сиди и меряй...

– Зачем? Я здоров. Я вообще никогда не болею... Я...

– Ну конечно ты, друг любезный, ты и никто другой. Ну, конечно никогда не болеешь. Просто совсем маленькая формальность – померяй температуру и не болей себе дальше... Та-ак-с. Ещё адын. Чуть похолоднее: «всэго» тридцать восэм и пять. Открой пасть, пожалуйста... Угу... Вместе сюда приехали? В одном купе? Друзья, говоришь? Вот и скажи спасибо другу своему – заразил он тебя... Да-да. Эта ангина – очень заразная штука, друг любезный. Такая зараза, что пасмотрэл на больного – сразу заразился. А ты с ним в одном купе ехал... Все, что я твоему другу сказал, относится и к тебе. Лечитесь оба. Разрядник, говоришь? А он чайник медный, говоришь? Я, друг любезный в посуде нэ разбираюсь. Я в болезнях разбираюсь. Будь ты хоть чемпион, а он самовар, но я вам, и тэбе лично и персонально, запрещаю выходить на занятия. Всё. Будь здоров.

– Приговор окончательный, обжалованию не подлежит, – угрюмо, но ехидно в свой адрес добавил мысленно Радик. Он почему-то сразу успокоился, если впасть в уныние – это и значит «успокоится». Но делать больше было нечего. И в буквальном и в переносном смысле. И ничего не хотелось. И прежде всего разговаривать с Виктором... Радик вспомнил, что они не только вместе ехали, но и пили из одной кружки. Вспомнив, сплюнул – тут же резануло болью в горле. Досадно было то, что Виктор не сказал о своей болезни, не предостерег, на всякий случай...

Побрел, понурившись, в свою комнату. Зафиксировал, что задыхается даже при небольшом усилии на пологом подъеме... Да, врач прав: не до восхождений на вершину, если даже до кровати пыхтеть приходится. Сев на ойкнувшую продавленными пружинами койку, вытер пот со лба и выщелкнул из пачки «Опала» ровно одну сигарету себе в рот. Отработанный трюк не удался – сигарета вяло шлепнулась на пол, едва выскочив из пачки. Рад обреченно вытащил другую сигарету пальцами, вставил в рот, зажег, затянулся и... Выкинул сигарету в форточку. Дым показался противным и оцарапал горло, как наждачная бумага.

*

«Вот это – для мужчин:
Рюкзак и ледоруб,
И нет таких причин,
Чтоб не вступить в игру» —

Вместе с утренней зарей пробудила ото сна горы и Радика знакомая песня Визбора. Пробудилась и мысль: есть такие причины, есть, дорогой Юрий. Вот заболел ненароком – и выбыл из игры. А рюкзак вместе с ледорубом стоят в углу и скучают. А альплагерю не до скуки. Лагерь живет здоровым организмом. Люди, как люди, тренируются, выбирают маршруты, готовятся, получают продукты, подгоняют снарягу... Навешенные между сосен, сушатся веревки. На них, словно флаги, – штормовки, комбинезоны, спальники... Скоро все это понадобится тем, кто пойдет в поход, на восхождение, на штурм... Какие заманчивые слова, какие восхитительные действия... Ими жил Радослав с тех пор, как год назад вышел из ворот «Шхельды» уже не новичком, а «значком», и первые шаги за ними стали путем возвращения обратно. Вернулся, называется...

В альплагерях развлечения расписанием дня не предусматриваются, хоть и приезжают в них отпускники «на юг». «Шуткам не учат в наших лагерях», – добавил кто-то такие слова к сочиненной во время войны знаменитой песне альпинистов. Без шуток не обходится ни один день, но им не учат – это подмечено верно. В альплагере либо в поход – либо от ворот поворот. Обида и досада едко тлели в мыслях Радослава, а душу его не то, что кошки, а монстры когтястые полосовали. Доставалось и Виктору, но только мысленно. Парень сам по себе виноват в своей болезни не был: не нарочно же заболел. И не знал о невероятной заразности этой зловредной ангины. Думал, небось: подумаешь – горло заболело. Да и не было уже никакого прока от всех эмоций, если все пришло к имеющемуся результату.

Через несколько дней боль в горле у Радика прошла. Вскоре отудобел и Витя. Организмы обоих от слабости еще не избавились полностью, но перемещаться горизонтально по пространству лагеря было уже можно без дискомфорта ощущений. Начали подумывать и о вертикальных прогулках. О настоящем восхождении помышлять можно было сколько угодно. Даже мечтать – пожалуйста. Но воплотить мечты и помыслы в действие в течение нынешнего сезона представлялось настолько же возможным, насколько реально можно решить риторический вопрос «Ах, почему люди не летают?». По кочану...

Помаявшись дня два в лагере, намозолив глаза соседям, готовящимся к походам, решили души свои отвести хотя бы туризмом, тем более, что в Баксане сводить свои души есть куда.

Не понапрасну он получил неофициальное название туристской «Мекки». Полюбоваться его необычайной и неповторимой красотой, погрузиться в неё хоть на время, приезжали со всей страны и из других стран.

Баксан – часть Приэльбрусья и, наверное, самая красивая его часть. Приэльбрусье же в целом – тоже часть, но уже Большого Кавказа от бассейна реки Чегем в восточной его части до подходов к Эльбрусу с запада. Южная граница туристского Приэльбрусья – Главный Кавказский хребет. Какими бы словами ни называли этот край: удивительный, великолепный, величественный, превосходный, живописный и множеством других, даже специально для него придуманных, – все они будут справедливы, но все же недостаточны для того, чтобы наиболее полно охарактеризовать это уникальнейшее чудо природы, увенчанное двухвершинной горой Кавказа – Эльбрусом. Это – вулкан, считающийся беспробудно потухшим и поэтому безнадежно спавшим. Но время от времени на его склонах открываются маленькие оконца в недра kloкочущего под толщей земной коры ада и из них со свистом бьют вверх фонтаны дыма. Прекрасен Эльбрус, кажущийся парящим в густом южном воздухе, когда смотришь на него с расстояния в десятки километров. Но есть в нем и какое-то напряжение: его вершины – словно два круто изогнутых лука с натянутыми тетивами. Вот-вот кто-то отпустит их и тогда вырвутся из кратеров вверх огненные стрелы извержения...

Эта феерическая картина почему-то легко и сама собой представлялась Радославу, когда он смотрел на купола великой горы. Белоснежные вершины и оранжево – красные огненные султаны над ними, рассыпающиеся на фоне темно – синего неба... Потрясающее зрелище... И красиво, и страшно.

Если Эльбрус похож на две половинки красиво изогнутого серебряного лука, то и другие вершины Приэльбрусья выглядят тоже каждая индивидуально. Вот красавица Шхельда, давшая свое имя альплагерю. Ее скальные башни словно рыцарский замок возвышаются в конце ущелья, охраняя его. Вот Накра-Тау, как ступенчатая усеченная пирамида. Вот два грозных рога – кинжала великолепной Ушбы. Вот дуга Донгуз-Оруна с вечно нависшим угрожающим, но прекрасным сверкающим карнизом...

От подножья Эльбруса живописнейшим изумрудно – жемчужным сокровищем простирается само Баксанское ущелье, называемое еще долиной, с вливающимися в него отрогами-ущельями. В каждом – альпийские луга с цветущим разноцветьем. Крокусы, синие и желтые, ирисы, эффектно смотрятся на фоне сверкающего белого снега и зеленовато-серых ледников. В каждом – свой неповторимый пейзаж и даже свой «персональный» климат. Зависит он от глубины ущелий и их относительной изолированности от общей циркуляции воздушных масс. Верховья реки Баксан зимой – самое теплое место Приэльбрусья. Сама же она впадает в Терек, принимая в себя чистые, но бурные воды горных рек: Донгуз-Орун, Адыл-Су, Адыр-Су, Юсенги, Тютю-Су, Азау, Ирик, Кыртык, Терсколак. От названий рек произошли и названия ущелий или, скорее всего, наоборот – ущелья дали свои названия рекам, протекающим по их дну.

Кроме рек, в Баксанском ущелье живут ещё и минеральные источники. Первый раз оказавшись в нем, Радик был чрезвычайно удивлен тем, что бьющая из-под скал вода не только вкусна, но еще и газирована. До того он был твердо уверен, что продающуюся в городах минералку газировать искусственно, как лимонад. Источники есть во многих ущельях, но наиболее знаменита из них «Поляна нарзанов», находящаяся неподалеку от селения Тегенekli. Поляна уютно устроилась в окружении берез, сосен и елей, стоящих вокруг неё, как девушки в хороше... Берёзы похожи на русских девчат, а ёлочки – на кабардинок в красивых национальных одеждах. Горы вокруг них – как джигиты в белых папахах с газырями ледников...

Сейчас источники знаменитой Поляны замурованы и закованы в бетон, а в те годы единственным «цивилизованным» устройством на поляне была стальная ржавоватая труба, из кото-

рой мощной струей вырывалась пенящаяся минеральная вода над красными от ее солей камешками. Под струю подставляли кружки или просто ладони и пили... Теперь, наверное, нелишне будет грустно добавить, что пили бесплатно...

Туристская Земля обетованная. Туристская «Мекка», куда едут и идут с тяжеленными рюкзаками через крутые перевалы многочисленные «Магометы». Если горы не идут к ним – приходится идти к горам – так даже интереснее. Многих тянет туда неодолимое стремление к чистой первобытной природе, красоте и приключениям. И – уединению среди первозданной природы, полностью разрушить которую человеку пока не по силам.

Два приключения в своем горном багаже друзья уже имели. Отойдя от болезни, захотелось еще, а «ищущий да обрящет». Для начала и для разминки подались куда поближе – в Шхельдинское ущелье. Альплагерь и находится на месте его слиянием с ущельем Адыл-Су. Тропа идет мимо детского лагеря отдыха «Юсенги» вверх вдоль речки Шхельдинки, с кажущейся беспечностью играющей камнями сначала далеко внизу, а потом постепенно поднимаясь к уровню тропы для того, чтобы слиться с ней в конце ущелья почти у самого кончика ледникового языка, с которого и берет начало. Язык, высунутый из Главного Хребта, дразнит туристов нагло и бесстыдно. Да было бы чем и хвастаться: серый, грязный, в пупырышках камней, с конца течёт... Слева у самой реки – подножье горы, похожей на спину исполинского ящера с зубцами «жандармов» и «чертовых пальцев» – пик Кавказ. Справа зеленым зеленым склон с роскошным ковром альпийского луга. Впереди – белая стена Главного хребта со своими башнями Ушбой и Шхельдой.

В этом ущелье у Радика чуть ли не на каждом шагу воспоминания о каком-нибудь интересном случае. Вот здесь, прямо под идиллически мирным альпийским лугом спортсмены вызволили из-под груды камней корову, Животное паслось себе на этом лужочке, лакомясь травкой и наслаждаясь природой, и вдруг оказалась сметенной камнепадом вниз – к самой реке. У бедняги только копыта торчали из-под груды камней под разными углами на все четыре стороны. Как ни странно, но пострадавшая не имела никаких видимых повреждений. Помычав, наверное, в знак благодарности, жвачное тихо заковыляло... снова вверх по склону дощипывать недощипанное.

На этом же лугу и сам Радик оказался под камнепадом. Это произошло над биваком «Улыбка Шхельды». Прекрасная стоянка. Теплая ночевка. Романтическое название придумали альпинисты. Да его и придумывать не нужно было – оно само напрашивалось. Рано утром, когда на дне ущелья еще царит черно-синий мрак, солнечный свет первым зажигает вершины Шхельды и они начинают сиять ослепительной белизной своих снегов, как улыбкой лучезарной красавицы, освещая притаившуюся темноту и прогоняя ее. Сам бивак расположен на песчано-каменистой плоской площадке дна ущелья среди молоденьких ёлочек и сосенок.

Радик накануне потянул ногу и потому не мог со всей прытью следовать за своим отделением, рьяно штурмовавшим склон в целях заурядной тренировки передвижения по травянистому склону. Не успевая, он, тем не менее, настойчиво поднимался вверх, время от времени пережидая боль в ноге и делая снимки панорамы Главного хребта... «Камень!», раздался сверху истошный вопль. Так положено кричать альпинистам, когда они замечают нахально сорвавшийся камень, летящий по направлению к товарищам. И хорошо, что эти предметы не летают со сверхзвуковой скоростью – поэтому звук предостерегающего крика достигает адресата все-таки быстрее, чем летящее чудовище. Радик поднял голову и увидел, как не один, а с десятков камней, словно стая черных хищных птиц, стремительно вылетели точно над его головой из-за перегиба склона горы. Лететь им по прямой до Радика оставалось всего несколько секунд над ровной поверхностью склона... За какое-то мгновение Рад обшарил взглядом все, доступное ему пространство, вокруг себя. Ага! Метрах в пяти какая-то щель

в камнях. Прыжок с места без разбега и – Радик в этой щели вместе рюкзаком и ледорубом. В тот же момент над ним просвистел здоровенный булыган с полметра в поперечнике. Еще один, как газонокосилка, состриг траву возле щели... «Миновало», подумал Радик. Хотел подумать, что пронесло, но до этого не дошло...

Еще немного полежав, прислушиваясь, и выбрался наружу. Отошел на несколько шагов. Оглянулся посмотреть на свое счастливое убежище и поразился: по глазомерным прикидкам, на спокойную голову, вписаться в него он не мог никак. Вернулся проверить. Лег. И никакими телодвижениями не смог втиснуться туда, откуда только что вылез... Логических выводов напрашивалось два: либо организм слишком велик, либо щелка слишком мала; либо тело от страха сжалось, либо ямка увеличилась. Поиронизировав над собой, Рад почти бодро двинулся на подъем.

– Эй! Внизу! Как дела? – послышалось сверху: товарищи интересовались делами.

– «Ничего идут дела – голова еще цела!» – Послал приветом Рад строчку знакомого с детства стиха.

– Ну, держись! Еще камень!

– Спасибо! – отозвался Радик. До спасительной норки – уже далековато. Радик просто остановился там, где его застал крик. Метрах в двадцати по горизонтали из ничего вдруг материализовались два каких-то типа в альпинистском снаряжении... Откуда взялись? Только что там никого не было.

– Здорово, коллега! – крикнул один, который выглядел постарше. Что-то знакомое показалось в нём... – Чего стоишь?

– Да камень, говорят, идет, – ответил Радослав как-то задумчиво глядя на явление «коллег».

– Правильно делаешь, что стоишь. Стой дальше. Только смотри внимательно куда летит и куда прыгает.

– Угу, спа... – хотел вежливо поблагодарить за ценный совет Радик, но тут из-за перегиба вылетел тот, кого обещали и ожидали. Каменюка выскочил не один, а с двумя спутниками – разбойниками. Внушительных размеров «чемоданы» не летели, на этот раз, а прыгали, должно быть, для разнообразия. Ударятся о лежащие камни, подскочат высоко и – в свободный полет до следующего удара. «Скакуны» хуже прямолетящих. Те – честнее: летят по прямой согласно законам физики и можно просто отойти в сторону, не мешая им лететь по своим каменным делам. «Скакуны» же отпрыгивают все время под разными углами то в одну сторону, то в другую и невозможно заранее определить, куда его нелегкая понесет и куда, соответственно, отпрыгивать тебе. Самое рациональное – стоять, где стоишь и либо в последний момент метнуться в сторону, противоположную прыжку камня, либо так и остаться стоять, если очевидно будет, что прыгун тебя милует.

Те двое находились в безопасной зоне и с любопытством наблюдали за происходящим. Со стороны смотреть было, действительно, даже красиво, в какой-то степени. Чёрные камни поочередно подпрыгивали и словно в замедленной съёмке кино, то опускались, то вновь поднимались, описывая дугообразные траектории, приближаясь к неподвижному Радикю...

Но дальше ничего интересного не произошло. Один из камней с каким-то механическим стрекотом пронесся метрах в двух слева, Рад проводил его взглядом. Второй бесшумно пролетел метрах в четырех справа. Третий, будто поразмыслив о тщетности всего земного, ткнулся в какую-то яму и вовсе прыгать раздумал.

– Молодец, хорошо стоял, – похвалили таинственные пришельцы.

– Спасибо, вы тоже... – не без ехидства констатировал Рад.

– А почему не со всеми? – Пропустили мимо ушей ехидство незнакомцы.

– Нogu вчера потянул.

– Да, причина... Перевяжи потуже. И правильно делаешь, что не сидишь внизу – кто сидит внизу – тот ничего не видит. Ну, счастливо, горьковчанин. Лечи ногу, но помни: бывают заразы похуже, чем ноги потянуть... Гораздо неприятнее их вовсе протянуть...

И оба исчезли внезапно, как духи... Между прочим, этих альпинистов потом никто не мог вспомнить по описаниям Радика ни в отделении, ни в альплагере – их никто не знал, и никто никогда не видел... Откуда они узнали, что Радослав из города Горького?.. А идти наверх совершенно расхотелось, хотя нога после показанных горой аттракционов болеть перестала.

Эти происшествия вспомнились Радика так живо и четко, словно все они случились только вчера. Вспомнил и то, что не испытал, пожалуй, никаких эмоций, кроме азарта и любопытства. Даже сравнил себя с Тартареном из Тараскона – героем романа Альфонса Доде. Так же, доблестный от собственного легкомыслия тарасконец, Радик был почему-то уверен: с ним в горах ничего плохого произойти просто не может. Он чувствовал и их дружелюбное отношение к себе, и отвечал им тем же. Или они ему отвечали. Даже несмотря на перенесенные камнепады. А может быть, благодаря им. Ни один же камень в него не попал, и щель в скале приняла его в себя в нужный момент... «Ведь это – наши горы: они помогут нам»... Только вот с ангиной не помогли. Возможно, это заболевание не входило в их компетенцию...

Рассказав Виктору о достопримечательностях окрестностей, Радослав замолчал. Вот и «Улыбка Шхельды». Вот и место, где стояла его палатка. Ба! Вот и колышек, который он потерял прошлый раз. Дождался... Звучали в воображении голоса товарищей. Почудился запах жареных с говяжьей тушенкой грибов, набранных здесь же. Ах, какие были грибочки! Ни червоточинки. В горах черви не встречаются. В кустах, показалось, кто-то мелькнул. Распахнулись огромные глаза Лены. Вопросительные. Ждущие... Лена... «Все нашим встречам разлуки, увы, суждены...»

– Давай, Вик, пойдем отсюда. Призраки здесь водятся. Вон она – Гора духов на нас смотрит, – полушутя сказал Радик.

– Обратно в лагерь, что ли?

– Да нет. Рано еще. К обеду вернемся. А сейчас поднимемся к леднику да позагораем под солнышком, что ли...

Поднялись, устроились на ровной скале. Впервые Радик услышал живые голоса ледника. На тренировках все время кто-нибудь что-нибудь кричит или говорит, шум, гам. А здесь теперь тишина и в этой тишине слышно: вот что – то зашуршало мелодично и закончилось вздохом. Вот треснуло со струнным замирающим звуком. Что-то прокатилось, как барабанная дробь и затихло... Радик зачарованно слушал эти загадочные голоса, стараясь понять их значение. Что они хотели рассказать ему? Именно ему одному. Ведь им есть что рассказать и что вспомнить... Опять он поймал себя на странном ощущении, что горы – живые существа, а не оледенелые громады.

– Красотища —то какая! Как в сказке, – пробудил Рада от его ощущений Виктор.

– А ты в каких сказках побывал и такую красоту видел? – осведомился Рад. – Нет, дорогой, такой красоты в сказках нет и быть не может. Сказки – это выдумки, а такое придумать нельзя – извилин не хватит. Такое можно только видеть

Закончив сей патетической тирадой процедуру приема солнечных ванн в Шхельдинском ущелье, туристы поневоле вернулись в лагерь, сопровождаемые подозрительным взглядом дежурного по «Шхельде»: откуда идут эти анархисты с ледорубами в руках., если им без разрешения никуда нельзя ходить, да и с разрешением сомнительно? Есть правило в альплагерях: уходя, уходи, но предупреди куда ушел и приблизительно, хотя бы, укажи срок, когда твою драгоценную персону ждать обратно. Чтобы не бегать потом по всем окрестным ущельям в поисках твоего тела в том горестном случае, если ты не вернешься. Такое в горах случается –

«здесь вам не равнина». Но на испытующий взор дежурного Радик ответил невинными глазами непогрешимого младенца, в душе признавая, что дежурный, безусловно, прав.

И все-таки Радослав и Виктор на следующий день опять ушли, никого не предупредив. Дежурного на месте не оказалось, искать его не захотелось и махнули рукой: не впервой уже. Ушли на этот раз в ущелье Ирик через поселок Эльбрус. До горы того же названия от поселка довольно большое расстояние и не понятно, почему его так назвали, но вдаваться в историческую ономастику друзья не стали. Прошли по его почти средневековым, если не первобытным, улочкам с бегающими по ним свиньями и приземистыми домиками с плоскими крышами. Столбы электропроводки свидетельствовали о том, что в домах, должно быть, есть электрический свет. Следы автомобильных шин превратились в канавки. По ним текла вода. Других следов цивилизации не замечалось. Зато для удобства населения прямо вдоль улицы протекал обширный ручей, больше похожий на миниатюрную речку с аккуратными берегами. Вероятно, из него брали воду.

Сразу же за поселком начинается подъем в ущелье по тропе среди скал, камней и по камням. Уютный и удобный такой подъемчик, вроде лестницы в многоэтажном здании. Поднимаясь по ней Рад опять невольно погрузился в прошлое. Именно по этой тропе год назад его альпинистский отряд сначала поднимался к штурмовому лагерю, в наступление, а потом стремительно спускался вниз, отступая перед превосходящими силами непогоды. Сейчас в природе царил полный контраст тому неудачному походу. Ни пятнышка хмуризы на небе – сплошное синее глубокое сияние с ликующим солнцем. Прозрачный, не замутненный ничем воздух без оптики позволял четко видеть далекие вершины в верховьях ущелья Адыл. Контрастным было и настроение Радослава. Он предпочел бы идти под тучами и дождем, но в рядах штурмующего гору отряда, чем наслаждаться комфортом солнечного дня, будучи туристом... Даже и не туристом, а так – праздношатающимся по окрестным ущельям субъектом без определенного рода занятий... БОРЗ... Оборзел, одним словом... Мысли омрачали настроение и только безмятежно шагающий рядом Вик немножко примирял Радика с окружающей действительностью. Вику все было интересно, удивительно, занятно и приятно: он просто не знал, что потерял, будучи не допущен к альпинизму, а может быть и не жалел об этом, не зная о чем жалеть.

– Что ты, Рад, смурной какой-то? Сам в горы хотел. Вот они – горы. Вот она – красотища не сказочная, – орлом распахнув руки провозгласил Виктор, – А ты, как слон с похмелья – и уши опустил. А какая здесь высота, интересно? При подъеме дышать плоховато, словно как больной.

– «Как» – это ты точно подметил, особенно после твоей ангины, – мрачновато отреагировал Радик,

– Почему это «моей»: ты ведь тоже болел, – слегка обиделся Виктор.

– А потому, что это ты меня ею угостил... Ты не обижайся. Это я от досады. Ребята сейчас на Шхельду идут, а я вот тут с фотиком шляюсь. Кстати, давай я тебя увековечу на фоне... Ты, Вик, на дышалку не обижайся. Она здесь очень для организмов полезна. И даже для умов.

– Для умов – это как?

– А так. «Умный в гору не пойдет – умный гору обойдет» – ты это слышал, да? Да. Вот. А тот, который менее умный – тот как раз в гору и пойдет. Для пользы собственного ума, ежели он, ум, у него еще есть. У которого уж вовсе нет – тому бесполезно... Вот в этих как раз местах вполне официально идиотов лечили...

Виктор подозрительно и недоверчиво покосился на Радика: от этого субъекта любого подвоха можно ожидать.

– Ты на меня не косись. Я серьезно. И сам удивился, когда узнал. Медики открытие сделали, что недостаток кислорода очень благотворно действует на психику тех, у кого она еще не совсем съехала. Видел базу академии медиков в Баксанском ущелье? Вот они этим и занимаются. У них еще две базы есть: на «Новом кругозоре» и на «105-м пикете». Все – на Эльбрусе.

Затаскивают туда психических. Те, отдышавшись, дышат там тем, что там есть и, просветленные и счастливые, возвращаются в иной мир, то есть на равнину. Так же еще и астматиков лечат. В общем, сплошной вокруг санаторий и курорт. Что я «ионы ловил» в день приезда – это, конечно, просто шутка была. Насчет ловли. А ионов здесь действительно очень много. И все сплошь отрицательные, но именно они очень положительно на здоровье действуют. Вот только жаль, что не всякое здоровье об этом знает... Оторвись от тропы. Посмотри – самое удивительное место ущелья.

Перед ними действительно возвышалось нечто странное, похожее одновременно на абстрактную скульптуру, обелиск, гриб и батон с изюмом, поставленный «на попа». К небу поднималась огромная скала – останец из желтого песчаника, суживающаяся к своей вершине. По всему ее телу виднелись почти равномерно расположенные вкрапления разнокалиберных гладких камней.

– Вот это да! – удивленно ахнул Вик, – Это что же за кекс такой? С чем его едят?

– Это, брат, не «кекс». Это – аттракцион под названием «Господи пронеси»

– Кого пронеси, куда пронеси, что пронеси? – продолжал любопытствовать Вик.

– Нас пронеси. В данном случае А вообще-то всех, кто мимо этого «кекса» идет. Вон тропа под ним. Другой нет. Приходится идти только по ней. Булыганы на тропе и около нее видишь? Это они сверху напали... Ты здорово придумал: «кекс». Так вот он из песчаника состоит, а «изюм» – камни, остались в нем после того, как они вместе были дном моря и еще чего-то геологического. Держатся эти камни не очень – то уверенно, время от времени вываливаются и падают. Без предупреждения, причем. И без расписания. Идешь под ними и думаешь: чи упадет, чи не упадет, в самый интересный момент... А красиво. Смотреть, я имею ввиду.

Господь пронес. Под «кексом» прошли благополучно. Камни снисходительно поглядывали на них, оставаясь на своих местах. Тропа, идущая вдоль склона, вскоре привела в вековой сосновый лес. Из-под хвои среди камней там и здесь торчали грибы, призывно алела земляника. От призыва не отказались, попаслись немножко. Двинулись дальше. Вышли на поляну. Лес раскрылся, как занавес и за ним появился возвышающийся белым куполом Эльбрус. Словно декорации предстали задрапированные снегом вершины Уллукара, Бжедех, Восточная Ушба, ледник Ирик... Роскошный пейзаж, прекрасная погода и улучшившееся настроение манили идти дальше, но пора было возвращаться. Постояли еще, любуясь видом, и повернули назад.

Неподалеку внизу возле речки Ирик на уютной живописной поляне, словно специально предназначенной для стоянки, какие-то туристы сворачивали свой бивак, складывали палатки. Паковали рюкзаки. Кто-то еще блаженно загорал, легкомысленно подставив опасному горному солнцу свою первобытно белую кожу, но очевидно было: группа уходит... И опять досада царапнулась в груди у Радика: все куда-то спешат, все куда-то идут, у всех впереди много интересного, а тут...

– Пойдем, Витя, зайдём в кафе да пива, что ли, дернем... Сухой закон нам теперь ни к чему – все равно не в поход...

– Давай зайдём, да холодненького...

Зашли и «дернули» жигулевского... На равнине вполне безобидное пиво, не оказывающее на организм особо заметного влияния, здесь сыграло каверзную шутку. Или от высоты, или от перенесенной недавно болезни, но выпитая кружка пива произвела впечатление удара по голове булыжником, завернутым во что-то мягкое. На равнине ощущение было бы эквивалентно, по меньшей мере, трем кружкам, выпитым залпом и натошак... Беспричинная эйфория, шатание в походке, утрата природной координации движений и «залепетание» языка. Оказаться в таком экзотическом виде в альплагере было равнозначно обязательной депортации на все четыре стороны. Остатков здравого смысла хватило на то, чтобы отложить возвращение до восстановления организмов и душ в нормальное состояние. Ушел на нормализацию час.

Все это время просидели на берегу Баксана, усиленно вдыхая целебные отрицательные ионы, разрекламированные Радиком и прислушиваясь к своим внутренним ощущениям. Двинулись к лагерю только тогда, когда сочли их достаточно приемлемыми для придания себе твердого и гордого облика хоть и не активного, но все же альпиниста.

В «Шхельде» ни на их облик, ни на них самих не обратили никакого внимания – произошло чрезвычайное происшествие, встревожившее всех, оставшихся в лагере. Не вышла на контрольную связь двойка восходителей итальянцев. Они совершали восхождение на Ушбу, аккуратно сообщая о себе в положенное время необходимые сведения, и вдруг замолчали. Альпинисты хорошо знают, что может означать это «вдруг», да еще на такой горе, как Ушба... Обычно полную информацию о происходящем с альпинистами передают на базовый лагерь наблюдатели. Они для того и предназначены, чтобы следить за восходителями во все две пары своих глаз с помощью бинокля, держат с ними связь по рации и в случае необходимости предпринимают конкретные действия. Наблюдателей, как правило, всегда двое. Во-первых, потому, что в нашем альпинизме одиночное, добровольное, пребывание в горах запрещено категорически и принципиально. Во-вторых, вдвоем веселее, а в – третьих, при несчастьях, требующих срочной помощи спасателей, один из наблюдателей мчится по направлению к базе встречать отряд и показывает ему наикратчайший путь, чтобы он не тратил время на напрасное блуждание, когда на счету каждая минута, в поисках лагеря восходителей. Итальянцы наблюдателями почему-то пренебрегли.

Тем не менее спасатели готовились к немедленному выходу. Радослав почувствовал, что не может больше думать ни о чем другом – только о том, что произошло. Невыносимо оставаться безучастным и пассивным созерцателем происходящего, тем более в тот момент, когда требовалась помощь попавшим в беду. Мысли завертелись калейдоскопом: что делать? Побежал к спасателям:

– Ребята, кто отряд возглавляет?

– Геннадий Степаныч.

– Касаткин Генка?

– Для кого Генка, а для кого и Геннадий Степанович, – неодобрительно среагировали ребята.

– Где он?

– У себя был. Рюкзак снаряжал.

С Геной Касаткиным Радослав был знаком с прошлого года. Знаток и исполнитель неисчерпаемого количества альпинистских и туристских песен, Гена пел их под собственный аккомпанемент на гитаре чуть не до утра, к подъему будучи бодр и свеж, как ни в чем ни бывало. Бегом к нему.

– Привет, Гена!

– Привет, Рад! Рад тебя видеть вместе с твоим именем. Что с тобой, дорогой? Куда так ретиво?

– К тебе, вот.

– Безмерно счастлив, но извини, некогда – к выходу готовлюсь.

– Так вот и я по поводу этого же самого выхода к тебе и пришел. Возьми меня с собой! Пригожусь – отсюда вижу.

– А ведь ценная идея, слушай! Нам как раз еще двоих не хватает... Один двух стоишь?... Ладно – и один хорош. В лагере же нет никого – все же в горах кто где... Давай, брат мигом собирайся, чтоб сей пол-секунд был передо мной под рюкзаком... Стой!

С места набравший спринтерскую скорость, Радик затормозил, как герой мультфильма – со скрипом и искрами: – Что?

– А ты, брат, почему в лагере, а не в горах?.. О, вспомнил! Ты же болеешь, черт побери. У тебя же эта, как бишь ее, фурункулярная же ангина же! Куда тебе спасать? Тебя самого как бы

спасать не пришлось, аника-воин. Ах, брат, как не хорошо. Уж-жасно нехорошо. Отнимаешь время у жутко занятого человека, то бишь у меня... Спасибо, брат, за порыв благородный. Дай свою ладонь – я уроню на нее свою скупую слезу, и будь здоров. Иди и отлеживайся.

Все это Гена говорил, не переставая ни на секунду возиться со своим громадным рюкзаком, укладывая в него непостижимое количество самых необходимых вещей. Гена действительно протянул свой кулак величиной с миниатюрную пудовую гирю, дружески ткнул им Радика в плечо и повернулся уходить. Но Радик ухватил его за лямку рюкзака и развернул к себе. Гена не сопротивлялся и смотрел на энтузиаста с одобрением. Радослав медленно и размеренно заговорил.

– К твоему сведению, «драгоценный ты наш», я уже в три ущелья в поход сходил. И вполне нормально себя чувствую. Гаджиев перестраховщик и я его понимаю, но он не прав. И ты не прав. Будешь. Если меня не возьмешь. Я все равно еще куда-нибудь пойду. Один. Будешь потом совестью страдать. Есть чем страдать? Вижу, что есть. Так облегчи себе в будущем страдания – возьми меня с собой. У вас же все равно некомплект. А я тебе расписку напишу, что, мол, по своей воле и в случае чего прошу... Что скажешь?

– А ты шантажист, брат... Но считай, что уговорил. Жду через десять мину у КСП в полной амуниции.

Мелкие камешки на дорожке, где происходил разговор, захрустели в двух противоположных направлениях по-разному: равномерно – вслед уходящему Гене и частой трелью – подмчающимся Радиком.

Ровно через десять минут, и тридцать одну секунду, Радик стоял возле КСП... в полном и недоуменном одиночестве. За спиной его тихо росли сосны. Внизу громко текла река. Вверху перемигивалось с облаками солнце. Пес горно-дворняжной породы философски чесал задней правой лапой свое левое ухо. Больше ничего Радик не видел, кроме собственного отражения в оконном стекле.

Неужели обманул, каналья, и без меня ушли? – вонзилась обида. – Не может быть – не такой Генка человек... А что же тогда может быть?

Не снимая рюкзака, Радик задумчиво протопал на первый этаж в комнату Гены. Раза два стукнув, открыл дверь. Гена невозмутимо пил чай.

– А, фурункулерный, заходи. брат, садись. Чай будешь? Будешь. На кружку

Радик так и стоял с рюкзаком, держа ледоруб подмышкой, ничего не понимая.

– Ген, это у тебя юмор такой? Я, знаешь, человек грубый и толстокожий и тонких шуток не понимаю. В чем дело? Почему сидишь и чай пьешь?

– Чай потому что пью, потому и сижу... Отменили выход. Неизвестно куда идти.

– Как это неизвестно? Ведь они на Ушбе...

– Приятно видеть коллегу, все про все знающего. Ты, брат, их там видел? Вот и я тоже не видел. И никто их там не видел. Оказалось, что они точно не сказали, куда именно пойдут: может быть, на Ушбу, а может быть, на Шхельду... А эти горы хоть и рядом, но не настолько уж... Да и маршруты на одной и той же горе разные. Где искать? Куда идти? Их вообще никто и нигде не видел с тех пор, как они из лагеря подались. Странные они – иностранцы. Ушли и все... Да не стой ты, как «жандарм» Раздевайся, садись.

– Так их, что же, просто бросили?

– Ну, кто ж их, итальянских подданных, просто бросит... Вертолет пойдет на поиск. Сядем в него с биноклями. Облетим и Ушбу, и Шхельду, и пик Кавказ... И весь Кавказ... Посмотрим. Где увидим что-нибудь, достойное внимания, высадимся- и вперед, брат. Может быть, даже с песней. Летал на вертолете?

– Не летал. Делать делал, но не летал

– Во, даешь. Как это: делал – модели, что ли?

– На заводе авиационном делал.

– А не летал почему?

– Я же не летчик – испытатель, а пассажиром не доводилось.

– Вот и доведется. Летать с рюкзаком все же легче, чем ходить под ним, как ни крути винтом. Лучше плохо летать, чем хорошо идти... Хорош афоризм? Сам, брат, только что придумал.

– Где-то я что-то подобное слышал, только про ходить, а не летать... Вот тут арабы с тобой не согласятся.

– Какие такие арабы и при чем они тут?

– А при том, что у них есть великая мудрость насчет того, что лучше. Они ее открыли раньше, чем твой рюкзак вместе с тобой стал в вертолете летать. Мудрость эта великая, и звучит она так: «Лучше идти, чем бежать». Верно?

– Абсолютно.

– «Лучше стоять, чем идти». Правильно?

– Никаких сомнений.

– Но «Лучше сидеть, чем стоять». Ага?

– Угу. Ещё удобнее.

– «Лучше лежать, чем сидеть». Так?

– Если есть выбор после похода – никаких сомнений.

– Но «Лучше умереть, чем лежать!»

Чай, набранный в рот для глотка, Гена, прыснув, равномерно разбрызгал по оконному стеклу.

– Ха-ха! Вот это финал! А ведь верно, если вдуматься. Ну ладно. Верблюды с ними, с арбами. Давай отдохнем впрок. Вертолет часа через два будет подан. К крыльцу... Загрузимся, да и полетим.

Через час поднявшаяся снизу из ущелья косматая, похожая на призрачное чудовище, туча, обвивая своими щупальцами скалы и сосны, закрыла собой весь окружающий мир, сделав его невидимым. Не стало видно не только гор, но и соседние дома просматривались какими-то нереальными контурами.

Полет отложили на неопределенное время.

Виктор скучал. И уже жалел, что приехал сюда на весь свой отпуск, в году единственный. Горы, конечно, красивы... Особенно издали. Вблизи же и снег не такой уж ослепительно-кристальной белизны, да и странные какие-то на нем ощущения: сверху печет солнце, а ногам холодно. В своем родном городе снег надоедает за долгие зимние месяцы. Хоть летом бы от него отдохнуть, так нет – приехали «на юг» – опять к снегу. Юг – это море. Пляж. Пальмы. Девичьи фигурки в купальниках... А здесь со стороны подчас не сразу и разберешь кто перед тобой: парень или девчонка. Все в штормовках, штанах, с кирками этими, то бишь, ледорубами... Романтика, видите ли. И никакого секса. Но почему именно в горы потянуло романтику искать?.. Радик уговорил. Впрочем, нет. Радик никогда и никого не уговаривает. Что значит уговорить? Это значит уболтать, затмить рассудок ловкими логическими приемами, пробудить темные инстинкты... Или светлые... Обосновать свои доводы и опрокинуть противоположные. Ничего подобного не было. Радик просто рассказывал о горах, о своих товарищах альпинистах, анекдоты альпинистские травил. И в конце концов предложил поехать с ним вместе в альплагерь. Виктор согласился... Кажется, без колебаний... Или даже сам захотел... И вот где-то эту чертову ангину подцепил сам, да еще и товарища заразил – сезон ему сорвал... Сплошные не то и не так. Сколько мы уже здесь? Десять дней. Еще две недели остается до конца смены... Что дальше здесь делать? Рад еще, надо думать, что-нибудь придумает. Вот, на спасаловку напросился. Фанат – и этим все исчерпывается. Виктор же ни в одном из самых сокровенных закоулков своей равнинной души не обнаруживал никаких признаков фанатизма по отношению

к горам. Он был бы не прочь тотчас же уехать вниз по Баксану поближе к заветным пляжам и девочкам в купальниках, а в дальнейшем по возможности и без них... Но в дело вмешалось еще одно не то и не так: у Виктора не было денег. Без денег. На юге... Это так же, как без солнца. Или без моря. И уж совершенно точно – без еды и без девочек в купальниках или без. Без, впрочем, можно себе даже не представлять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.